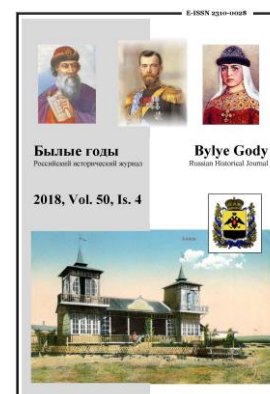

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1499-1506. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1499
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Ethno-Cultural Aspects of the Russian-British Rivalry in Turkestan in the XIX century

Khatidzhe E. Mamutova ^{a,*}, Anna V. Kostromitskaya ^a, Evgeniy V. Kryzhko ^a, Petr I. Pashkovsky ^a

^aV.I. Vernadsky Crimean Federal University, Russian Federation

Abstract

The article considers the ethno-cultural aspects of rivalry between the British and Russian empires in the process of the «Great Game» in Turkestan in the XIX century. It is established that direct contact with the eastern cultures, interaction and dialogue (and communication was observed on both sides) occurred through British and Russian travelers. Eastern territories served as colonies of European countries and Russia. Based on the analysis of a broad source base and numerous studies, it is revealed that the scope of the tasks of travelers included not only the exploration of economic potential, but also the study of the ethno-political, cultural and geographical features of the region. At the same time, the travelers described in detail the terrain and nature, but relatively modestly characterized the local population, which indicates the prevalence of the military significance of missions. The range of travel varies from political, diplomatic, trade-economic, research to «entertaining», for example: hunting and tourism. It is thanks to letters, notes, reports and books of Russian and British researchers that the image of local people and their culture develops. Descriptions of travel or stories about life in the eastern countries captured important details of everyday life, both local residents and travelers themselves. It is shown that during the period under review the progressive change in the notion of Europeans among the peoples of Central Asia was manifested, which was facilitated by the diverse composition of travelers and representatives of different European cultures. In this sense, the image of the Western traveler had a positive impact on the transformation of traditional society into a developing industrial society and the introduction of technological and cultural achievements of a more developed culture into it.

Keywords: Russia, Great Britain, «Great Game», Central Asia, Turkestan, ethno-cultural aspects.

1. Введение

С первой четверти XIX в., когда появляются предпосылки для соперничества России и Великобритании на территориях центрально-азиатских ханств и Индии, ведутся активные и результативные исследования в области территориальной, политической и экономической сфер российско-английского противостояния, прорабатываются возможности использования торгово-экономического и ресурсного потенциала азиатских территорий. Не только открытые военно-политические и дипломатические, но также и разведывательные операции проводились обеими сторонами конфликта. «Это геополитическое соперничество, – отмечали исследователи, – между двумя империями в Туркестане и Южной Азии, продолжавшееся в XIX – начале XX вв., в зарубежной историографии получило название «Большая игра» (“The Great Game” – Авт.), а в отечественной – «турнир теней»» (Bebeshko et al., 2017: 854).

Термин, введенный британским дипломатом и резидентом А. Конолли (Conolly, Vol. I, 1834; Conolly, Vol. II, 1834), оказался функциональным, а современная ситуация геополитического соперничества в Центрально-Азиатском регионе способствует активизации исследовательского интереса к данной проблеме, в частности к этнокультурным аспектам «Большой игры».

* Corresponding author

E-mail addresses: khatidge@yandex.ru (K.E. Mamutova), anna-01.kostromitskaya@mail.ru (A.V. Kostromitskaya), jeyson1030@gmail.com (E. V. Kryzhko), petr.pash@yandex.ru (P. I. Pashkovsky)

2. Материалы и методы

В рамках источниковой базы исследования выделяются следующие группы материалов. К первой группе можно отнести воспоминания свидетелей и участников описываемых событий: британских дипломатов, путешественников и исследователей Дж. Аббота (*Abbott, 1843*), А. Конолли (*Conolly, Vol. I, 1834; Conolly, Vol. II, 1834*), А. Бёрнса (*Burnes, Vol. I, 1834; Burnes, Vol. II, 1834; Burnes, Vol. III, 1834*), У. Муркрофта и Дж. Требека (*Moorcroft, Trebeck, 1841*), отечественных военного и дипломата Н. Муравьева (*Муравьев, 1822*) и ученого П. Небольсина (*Небольсин, 1850; Небольсин, 1855*), венгерского востоковеда и путешественника А. Вамбери (*Вамбери, 2003*). Вторая группа источников представлена данными отчетов российского офицера, востоковеда и путешественника И. Виткевича и российского филолога-ориенталиста и исследователя Туркестана П. Демезона (*Халфин, 1983*). Ценным источником стали материалы известного британского журнала политической сатиры и карикатур «Панч» (*Save Me From My Friends!, 1878*).

В научной литературе и периодике, посвященных проблемам «Большой игры», часто упоминается значительный вклад политических деятелей, предпринимателей и путешественников в исследование этнических культур, обычаев, нравов, специфики поведения и религиозных традиций, однако, на наш взгляд, данная проблематика требует более детального и системного изучения. Так, например, в 1921 г. военачальник, публицист, востоковед А. Снесарев в лекциях об Афганистане акцентировал важность изучения культуры восточных народов, считая «этот вопрос зерном военно-географического исследования» (*Снесарев, 2002: 57*). Полезным в данном контексте представляется применение культурологического подхода, подразумевающего фиксацию исторически сложившихся универсалий и специфических культурных артефактов и нематериального культурного наследия в рамках культур – игроков интересующего нас геополитического противостояния. Тем не менее, основным и наиболее плодотворным при изучении исторических событий «Большой игры» и их социокультурного контекста считаем системный подход, то есть исследование иерархической структуры многоуровневого и полиаспектного столкновения двух величайших империй XIX в.

Обозначенные подходы обусловили применение следующих исследовательских методов. Историко-генетический метод применялся для определения последовательности явлений и процессов, процедуры сравнения проводились в описании дипломатических миссий русских и англичан, доминант городской культуры Бухарского и Кокандского ханств, а также общего социокультурного контекста «Большой игры». Биографический метод использован при анализе отечественной и зарубежной мемуаристики, которая, несмотря на субъективный характер, демонстрирует сопричастность исторической личности к единому историческому процессу, показывая его подробности на локальном уровне и транслируя «дух эпохи». При этом из мемуарной литературы выбраны исключительно те сведения, которые находят подтверждение в архивных документах и признанной научным сообществом литературе. Поскольку азиатской культуре присуща обильная наполненность смыслами, церемониал и религиозная каноничность, для изучения ее символической составляющей использован семиотический метод.

3. Обсуждение

Историографический анализ выявил практическое отсутствие исследований, раскрывающих специфику этнокультурных аспектов российско-британского соперничества в Туркестане в начале XIX в. В частности, отечественный ориенталист Н. Халфин, изучавший проблемы истории Туркестана и Афганистана, исследовал противостояние Петербурга и Лондона по вопросу распространения экспансии в Азии (*Халфин, 1960; Халфин, 1966*), ситуативно затрагивая особенности этнокультурного измерения «Большой игры».

Труды П. Пашковского, Е. Крыжко, С. Щевелева, Е. Бебешко (*Bebeshko et al., 2017; Щевелев и др., 2018*) частично раскрывают этно-национальную специфику региона, освещая систему внешнеполитических взглядов населения и элит, формировавшуюся на протяжении нескольких веков, а также генезис указанной геополитической конкуренции.

Комплексному изучению «Большой игры» способствуют исследования, касающиеся противостояния разведывательных служб России и Великобритании в Туркестане. В этом контексте важно упомянуть ставшую классической работу генерала Дж. Эванса (*Evans, 1828*).

Различные аспекты (в том числе особенности этнокультурного измерения) российско-британского соперничества в Центральной Азии и на Кавказе в рассматриваемый период в общих чертах освещаются в трудах американских исследователей Г. Киссинджера (*Киссинджер, 1997*) и Р. Каплана (*Каплан, 2016*), а также российских ученых К. Гаджиева (*Гаджиев, 2012*), Е. Глуценко (*Глуценко, 2010*), Е. Сергеева (*Сергеев, 2011*) и А. Снесарева (*Снесарев, 2002*).

4. Результаты

Некоторые культурные эпохи, явления и процессы наделяются нашим сознанием дополнительными смыслами и, как следствие, происходит оформление их символического образа – информативно насыщенного продукта человеческого мышления, хрупкой субъективной конструкции, метафоры, позволяющей освоить культурное пространство. Несмотря на подвижность, некоторые образы становятся универсалиями, архетипами, ценностями и поведенческими установками, которые

лежат в основе определенного типа культуры, в нашем случае – восточной. Поэтому традиционно представления о культуре Востока в большой степени стереотипны: интровертная, с ярко выраженной коллективной направленностью, богатая символами, тайнами, предрассудками и витиеватыми речами правителей и торговцев, в то же время военизированная, жесткая, деспотичная. В частности, значительное место в отечественном и зарубежном востоковедении занимают описания англо-русского соперничества на Востоке, публикации архивных документов о «турнире теней» и последующая череда публикаций об историко-культурных взаимоотношениях и социокультурном контексте ведения переговоров, научных экспедиций и дипломатических миссий. Так, к примеру, в работах Н. Халфина (Халфин, 1966; Халфин, 1983) происходит романтизация Востока в сознании Яна Виткевича, наблюдавшего в орской ссылке торговые караваны и получившего хорошую практику коммуникации на казахском, персидском, узбекском, фарси и других восточных языках, ставших традиционными для изучения русскими купцами, дипломатическими и политическими деятелями. Поэтому даже современный читатель научно-популярной литературы о Востоке ожидает некоторой степени романтизации событий, происходящих в военных операциях и переговорах с ханами, эмирами, дипломатами, предпринимателями и путешественниками, а также увлекательного сюжета, повествующего о редкостях, раритетах, уникальном оружии, нумизматических коллекциях, мусульманских рукописях и так далее.

В 1833–1834 гг. была совершена дипломатическая поездка титулярного советника П. Демезона в Бухарское ханство под видом татарского муллы Мирзы Джафара, что было вызвано наплывом английских товаров из Индии и Афганистана и недавними продолжительными визитами английских агентов У. Муркрофта и Дж. Требека, выполнявших миссии под видом хирурга-ветеринара и картографа с 1819 по 1825 гг., что позднее отразилось в работе «Путешествия по гималайским провинциям Индостана и Пенджаба; в Ладакх и Кашмир; в Пешавар, Кабул, Кундуз и Бухару», где, помимо заметок о разведении породистых лошадей, природе Тибета, Кашмира, Кабула, других местностей, содержатся замечания об интересах России и Великобритании на Востоке: был сделан ряд попыток со стороны восточных государств «поставлять дефицитные товары в некоторые части России, которая имеет очевидный интерес в приобретении правильного знакомства с районами вдоль ее южной границы, будь то расширение научного, коммерческого или силового влияния» (Moorcroft, Trebeck, 1841: 15).

Среди наиболее значимых «визитов» на Восток отмечают поездку британского дипломата А. Бернса в Бухару и Кабул в 1832 г., а за свой вклад в изучение и установление контакта с Бухарским эмиратом он получил прозвище «Бухарский Бернс». Длительные поездки и постоянное пребывание в местной среде позволили ему приобрести обширные и значимые знания о восточных государствах и проживавших там народах и их культуре. Путешествия А. Бернса имели определенные стратегические цели, связанные, в первую очередь, со знакомством с местными правителями и их возможностями в «Большой игре». В своих записях он подробно описывал народы, с которыми ему приходилось сталкиваться, и опознавал в них представителей различных культур по конфессиональным признакам и хозяйственным занятиям. А. Бернс в своих путешествиях воспринимал встречаемые им народы как неразрывную часть природного ландшафта, а встреча с ними лицом к лицу способствовала возникновению «живого ощущения восточного человека». Черты «восточного человека» ярко воспринимались, когда становились понятными его личностные и общественные ориентиры, представления о долге, чести и справедливости и пр. В этом и проявилась заметная дихотомия в культуре и сравнение между «своим» и «чужим» (Burnes, Vol. I, 1834: 23).

Важные сведения о Центрально-Азиатском регионе в первой половине XIX в. оставил британский офицер А. Конолли, описавший свои путешествия и наблюдения за жизнью народов в письмах и книге «Путешествие на север Индии через Россию, Персию и Афганистан» (Conolly, Vol. I, 1834; Conolly, Vol. II, 1834). Поездка в Центральную Азию британского офицера носила разведывательный характер, поэтому он прибегал к маскировке. А. Конолли считал, что лучшей стратегией будет выдавать себя не за местного жителя, которого легко можно разоблачить, а представиться французским или итальянским врачом. Он отмечал: «... Такие путники там встречались и не вызывали недоверия» и воспринимаются благожелательно у страдающих множеством различных болезней местных жителей. А. Конолли выдавал себя за местного базарного торговца и смог посетить Хивинское, Бухарское и Кокандское ханства, встречался и путешествовал с мусульманскими паломниками. Такие спутники помогли ему узнать много интересного о жизни, культуре и быте центрально-азиатских народов и обеспечили защиту от ограблений, захвата в рабство или убийства. Эти встречи давали важные сведения и интересные описания паломничеств мусульман и показывали, насколько религия неотделима от жизни и нравов местного населения: «в Тебризе мне довелось встретить одного старика, <...> этот старик, выслушав восторженный рассказ сына, только что вернувшегося из Мекки, на протяжении суток принял решение отправиться туда же со своей многочисленной семьей; сын же, проведя под родительским кровом после трехлетнего отсутствия всего только одну ночь, вновь последовал за ними» (Conolly, Vol. I, 1834: 134). В 1834 г. он опубликовал записи о своих путешествиях по центрально-азиатским ханствам, в которых детально описал возможности вторжения в Индию русской армии и предложил стратегии развития событий для Британской империи. Так, А. Конолли писал, что «афганцы мало что выиграли бы, если бы

русские вошли в их страну, зато им было много чего опасаться» (Conolly, Vol. II, 1834: 276). Это связано с тем, что в этот период интенсивно развивались русско-иранские торговые отношения, которые конкурировали с региональными афганскими интересами.

Ценными для нас являются мемуары офицера Дж. Абботта, первого британского посланника в Хиве и одного из основателей города Абботтабад в Пакистане, который оставил очень интересные сведения о Центральной Азии в XIX в. Эти наблюдения легли в основу его книги «Рассказ о путешествии из Герата в Хиву, Москву и Санкт-Петербург» (Abbott, 1843), где он подробно описал свои странствия. В его труде даются довольно интересные наблюдения относительно нравов жителей и ценные географические сведения этих территорий. Важной особенностью книги является описание впечатлений афганца Суммуд Хауна, сопровождавшего Дж. Абботта на протяжении всего путешествия по Азии, России и Европе, где сталкиваются восточные и западные представления о культуре.

В то же время представители российской резидентуры, наряду с британскими офицерами, активно принимали участие в продвижении геополитических интересов Российской империи в Центральной Азии. В ходе путешествий в киргизские степи, Бухару и Афганистан портупей-прапорщик Я. Виткевич совершал полевые разведывательные операции в 1835–1836 гг. с целью сбора данных о специфике природного и культурного ландшафтов Центральной Азии для будущего военного похода на Хиву русского политического деятеля, оренбургского военного губернатора В. Перовского (Халфин, 1983), который превратил Оренбург в центр дипломатии и разведки. Хивинский поход состоялся в 1839 г. и не был удачен, однако в 1853 г. В. Перовский предпринял успешный Кокандский поход, а в 1854 г. заключил с ханом Хивы выгодный для Российской империи договор. Интересно, что на Западе говорили о единственной цели Я. Виткевича: обладая «большими суммами денег», «вести интриги против Англии» (Вамбери, 2003: 192). Ввиду успехов в Центрально-Азиатском регионе российских резидентов в Лондоне все чаще звучали опасения и даже угрозы в сторону Петербурга, предостерегающие распространение российского влияния в Индии – зоны исключительных интересов Великобритании.

В Российской империи по мере развития материальной базы производства росло количество промышленных предприятий, металлургия отставала от европейских стран, но высот достигало сельскохозяйственное производство и фабричная деятельность, следовательно, встал вопрос о рынках сбыта холста, полотна, льняной и пеньковой пряжи и особенно металлических изделий. Основываясь на таможенных отчетах и данных переписки, специалисты в области экономики и предпринимательства анализировали статистические данные о внешней торговле России «жизненными припасами», «пряильными и ткацкими материалами», «сырыми продуктами» и изделиями разного рода, исследовали возможности улучшения торговых отношений с западными и восточными государствами (Небольсин, 1850: 67–70), звучали призывы к купцам через сотрудничество с консулами заняться «выделкою стеклянных изделий на азиатский вкус». В этом отношении отмечалось, что «учреждение сахарных заводов было бы весьма выгодно для южных губерний», а развитие там мануфактурной промышленности «откроет вернейшие, обильнейшие источники богатства и общее довольство» (Небольсин, 1855: 46–48), что важно для реализации долгосрочной торговли со странами Центральной Азии. Наряду с этим, со стороны Российской империи предлагались политические варианты расширения торговых отношений с центрально-азиатскими странами, что было также обусловлено внутривосточной нестабильностью ханств и крупными податями, наличие которых отмечено Н. Северцовым, Н. Муравьевым и М. Черняевым. Кроме этого, там повсеместно вспыхивали многочисленные народные волнения (например, восстание самаркандских ремесленников 1826 г.), вызванные низким уровнем жизни населения, «...о чем можно заключить по их одежде, состоящей буквально из одних рубищ, а некоторые из них не имеют, чем прикрыть от палящего зноя верхние части тела. Дети почти все нагие...», – отмечал М. Черняев (Халфин, 1960: 13).

Путешественники и резиденты отдельное значение придавали описанию городской азиатской культуры. Упоминаются такие города, как Бухара и Самарканд (Бухарское ханство), Ташкент и Коканд (Кокандское ханство). Бухара – центр исламской религии и образования. «Если вы посмотрите на Средний Восток, – отмечают исследователи, – с этой точки зрения, то увидите, что здесь главной религией является магометанство. ... Прослойки других верований – еврейство, христианство, буддизм – здесь ничтожны. Ислам царит и накладывает определенную краску на весь Средний Восток» (Снесарев, 2002: 12). Самарканд – один из древнейших городов мира, перекресток множества этнических культур, средоточие науки и архитектурных памятников. Ташкент – сердце торговли и ремесел. Коканд – наиболее молодой и быстро развивающийся город, религиозный центр Кокандского ханства. Также выделяются такие характеристики социокультурной жизни первой половины XIX в., как пережитки родоплеменного уклада, консерватизм, раздробленность, добыча полезных ископаемых кустарным способом, ткачество из гузы и торговля низкокачественными тканями (Халфин, 1960: 196), основной тип транспорта – вьючный. В то же время отмечается глубокая скрытность и подозрительность горного народа, консервативность женской части населения обусловлена строгостью канонов ислама. Это вызывало трудности при получении некоторых знаний об этнической культуре и культуре повседневности: «женская половина населения по духу ислама вам помочь не может, хотя часто и является лучшей носительницей домашних преданий и

особенностей, которые могут быть интересны для изучающего страну, хранительницей более чистого языка, лучшим источником народных сказаний. В то время как мужчины начинают скорее забывать язык страны, ее обычаи», но, тем не менее, «Восток гостеприимен, и вы обязаны принять, а иногда даже пережить это гостеприимство; вы должны даже делать вид, что польщены этим гостеприимством, которое вам оказывают, вы никоим образом не имеете права от него отказаться. Вам подается чашка кумыса, она пахнет потом, чашка грязна, но очень плохо, если вы ее не выпьете до дна» (Снесарев, 2002: 38). А. Вамбери в «Путешествии по Средней Азии» так описывает гостеприимный Восток: «старый, крайне бедный туркмен был вне себя от радости, что небо послало ему гостей, <...> вопреки всем нашим уговорам зарезал свою единственную козу» (Вамбери, 2003: 40), однако часто добродетели сопряжены с «неслыханным коварством»; кроме этого, резюмируя описания этикета и религии, скажем, что «нет лучшей лести для азиата, как доброе слово по адресу его религий» (Снесарев, 2002: 42).

Примечательно, что с начала XIX в. трансформируется восприятие военных и политических событий в сознании народа, как российского, так и европейского. Возрастает роль печатной периодической печати, мощного и могущественного «современного двигателя мнений» (Evans, 1828: 143). Стоит упомянуть известный британский журнал юмора и сатиры «Панч» («The Punch»), отражавший в политических и социальных карикатурах мировые исторические события. Так, 30 ноября 1878 г. в нем была опубликована карикатура политического мультипликатора Дж. Тенниела «Спасите меня от моих друзей!» к цитате из газеты «The Times» за 21 ноября 1878 г.: «Если в определенный момент было решено вторгнуться на территорию Амира, мы действовали в соответствии с политикой, которая в своем намерении была форменно дружественной к Афганистану» (Save Me From My Friends!, 1878). Таким образом, необъявленное противостояние Санкт-Петербурга и Лондона, «которое так долго длилось скрыто» (Evans, 1828: 52), вновь получило продолжение.

5. Заключение

Участниками «Большой игры» были путешественники, военные, дипломаты, религиозные деятели различных стран и национальностей. Соперничество шло не только за доминирование над сырьем и рынками, но и за культурные, исторические, географические, антропологические, этнографические знания, и с этим связан особый интерес западного мира к малоизвестной восточной цивилизации. С позиции культурологического знания можно отметить, что именно через западноевропейских и российских путешественников происходили непосредственный контакт с восточными культурами, взаимодействие и диалог, причем общение наблюдалось с обеих сторон. Восточные территории служили колониями европейских стран и России. Дихотомия между Востоком и Западом лежит в основе изучения культурного аспекта «Большой игры».

Торговые и геополитические интересы в первой половине XIX в. стали движущей силой соперничества между Российской и Британской империями в Центрально-Азиатском регионе. Так, в круг задач путешественников входили не только разведка экономического потенциала, но и изучение этнополитических, культурных и географических особенностей региона. Путешественники красочно и подробно описывали местность и природу, сравнительно скромно характеризовали местное население, что свидетельствует о преобладании военного значения миссий. Диапазон путешествий варьируется от политических, дипломатических, торгово-экономических, научно-исследовательских до «развлекательных», например: охота и туризм. Именно благодаря письмам, заметкам, отчетам и книгам российских и британских исследователей складывается образ местных народов и их культуры.

Следует отметить поступательное изменение представлений о европейцах у народов Центральной Азии, чему способствовал разнородный состав путешественников, представителей разных европейских культур. Путешественник, участвуя в передаче знаний и технологий, находился в эпицентре межэтнического и культурного диалога. В этом смысле образ западного путешественника оказывал позитивное влияние на трансформацию традиционного общества в развивающееся индустриальное и внедрение в него технологических и культурных достижений более развитой культуры. Так, путешествуя по территориям, исследователи отмечали появление новых оседлых поселений в местах, где ранее обитали кочевые племена. Строительство дорог и постоянных дворов вдоль важных торговых артерий и обеспечение относительной безопасности для путешественников осуществлялось за счет новой цивилизационной миссии по отношению к местному населению. И в этом новом этнокультурном пространстве и урбанизированной среде уже нет места для кочевников. Но местное население не было безмолвным объектом «Большой игры», а в определенной степени также являлось субъектом международной политики. Правители Хивинского, Бухарского и Кокандского ханств и множества карликовых княжеств использовали политику лавирования и компромисса.

В XIX в. на Западе получают популярность описание путешествий или рассказы о жизни в восточных странах, появляется значительный пласт европейской литературы в восточном стиле, основанном на личном опыте путешествий. Эта литература запечатлела важные детали повседневной жизни как местных жителей, так и самих путешественников, давая возможность узнавать новые территории, экзотическую природу и диких животных, обычаи и традиции местного населения,

познавать другой мир. Художественная практика, сложившаяся в культуре XIX в., в Европе и России способствовала созданию эффекта аутентичности восточных путешествий. В частности, литература визуализировала описание другого мира, доступного для всеобщего восприятия. Формируется устойчивый персонаж, называемый «восточным человеком». Отмечается восприятие европейцем нового взгляда на свое время и вообще на человека. Кроме того, встреча с другим миром и культурой через «восточного человека» становится поводом для саморефлексии и самоидентификации автора и читателя. Особенности восприятия и описания практики путешествий по Востоку и Западу мы можем увидеть в письмах и мемуарах военных и исследователей этой эпохи.

6. Благодарности

Исследование проведено в рамках Программы развития Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского на 2015–2024 гг. (ВГ21/2017).

Литература

- [Вамбери, 2003](#) – *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. М., 2003. 193 с.
- [Гаджиев, 2012](#) – *Гаджиев К.С.* «Большая игра» на Кавказе. Вчера, сегодня, завтра. М., 2012. 344 с.
- [Глуценко, 2010](#) – *Глуценко Е.А.* Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010. 608 с.
- [Каплан, 2016](#) – *Каплан Р.* Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного / Пер с англ. М., 2016. 384 с.
- [Киссинджер, 1997](#) – *Киссинджер Г.* Дипломатия / Пер. с англ. М., 1997. 848 с.
- [Муравьев, 1822](#) – *Муравьев Н.* Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах. М., 1822. 350 с.
- [Небольсин, 1850](#) – *Небольсин Г. П.* Статистическое обозрение о внешней торговле России. СПб.: Типография департамента внешней торговли, 1850. Ч. 1. 409 с.
- [Небольсин, 1855](#) – *Небольсин Г. П.* Статистическое обозрение о внешней торговле России. СПб.: Типография департамента внешней торговли, 1855. Ч. 2. 495 с.
- [Сергеев, 2011](#) – *Сергеев Е.Ю.* «Большая игра» в российско-британских отношениях второй половины XIX – начала XX века: новый взгляд // Российская история. 2011. № 5. С. 3–15.
- [Снесарев, 2002](#) – *Снесарев А.Е.* Афганистан. М.: «Русская панорама», 2002. 272 с.
- [Халфин, 1966](#) – *Халфин Н.А.* Загадки истории. Драма в номерах «Париж» // Вопросы истории. № 10. 1966. С. 216–220.
- [Халфин, 1960](#) – *Халфин Н.А.* Политика России в Средней Азии (1857–1868). М., 1960. 272 с.
- [Халфин, 1983](#) – *Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича)* / Под. ред. Халфина Н.А. М., 1983. 149 с.
- [Щевелев и др., 2018](#) – *Щевелев С.С., Пашковский П.И., Крьожко Е.В.* Востоковед М.Ф. Силякин: жизнь и труды // Диалог со временем. 2018. № 62. С. 312–328.
- [Abbott, 1843](#) – *Abbott J.* Narrative of a Journey from Herat to Khiva, Moscow, and St. Petersburg, during the Late Russian Invasion of Khiva. With some Account of the Court of Khiva and the Kingdom of Khaurism. London: W. M. Allen, 1843. Vol. I. 401 p.
- [Bebeshko et al., 2017](#) – *Bebeshko E.V., Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I., Shchevelev S.S.* The Problem of the Genesis of the «Great Game» in Turkestan at the Beginning of the XIX Century // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3. P. 853-860.
- [Burnes, Vol. I, 1834](#) – *Burnes A.* Travels into Bokhara; being the account of a journey from India to Cabool, Tartary and Persia; also, Narrative of a voyage on the Indus, from the sea to Lahore, with presents from the king of Great Britain; performed under the orders of the supreme government of India, in the years 1831, 1832, and 1833. London, 1834. Vol. I. 399 p.
- [Burnes, Vol. II, 1834](#) – *Burnes A.* Travels into Bokhara; being the account of a journey from India to Cabool, Tartary and Persia; also, Narrative of a voyage on the Indus, from the sea to Lahore, with presents from the king of Great Britain; performed under the orders of the supreme government of India, in the years 1831, 1832, and 1833. London, 1834. Vol. II. 516 p.
- [Burnes, Vol. III, 1834](#) – *Burnes A.* Travels into Bokhara; being the account of a journey from India to Cabool, Tartary and Persia; also, Narrative of a voyage on the Indus, from the sea to Lahore, with presents from the king of Great Britain; performed under the orders of the supreme government of India, in the years 1831, 1832, and 1833. London, 1834. Vol. III. 378 p.
- [Conolly, Vol. I, 1834](#) – *Conolly A.* Journey to the North of India through Russia, Persia and Afghanistan. L.: Richard Bentley, 1834. Vol. I. 367 p.
- [Conolly, Vol. II, 1834](#) – *Conolly A.* Journey to the North of India through Russia, Persia and Afghanistan. L.: Richard Bentley, 1834. Vol. II. 364 p.
- [Evans, 1828](#) – *Evans G.* On the designs of Russia. L., 1828. 265 p.
- [Moorcroft, Trebeck, 1841](#) – *Moorcroft W., Trebeck G.* Travels in the Himalayan provinces of Hindustan and the Panjab; in Ladakh and Kashmir; in Peshawar, Kabul, Kunduz, and Bokhara; by William Moorcroft and George Trebeck, from 1819–1825. London: John Murray, 1841. Vol. I. 459 p.
- [Save Me From My Friends!, 1878](#) – *Save Me From My Friends!* // *The Punch*. 1878. 30 November.

References

- Abbott, 1843** – *Abbott J.* (1843). Narrative of a Journey from Herat to Khiva, Moscow, and St. Petersburg, during the Late Russian Invasion of Khiva. With some Account of the Court of Khiva and the Kingdom of Khaurism. London: W. M. Allen, Vol. I. 401 p.
- Bebeshko et al., 2017** – *Bebeshko E.V., Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I., Shchevelev S.S.* (2017). The Problem of the Genesis of the «Great Game» in Turkestan at the Beginning of the XIX Century. *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3. pp. 853-860.
- Burnes, Vol. I, 1834** – *Burnes A.* (1834). Travels into Bokhara; being the account of a journey from India to Cabool, Tartary and Persia; also, Narrative of a voyage on the Indus, from the sea to Lahore, with presents from the king of Great Britain; performed under the orders of the supreme government of India, in the years 1831, 1832, and 1833. London, Vol. I. 399 p.
- Burnes, Vol. II, 1834** – *Burnes A.* (1834). Travels into Bokhara; being the account of a journey from India to Cabool, Tartary and Persia; also, Narrative of a voyage on the Indus, from the sea to Lahore, with presents from the king of Great Britain; performed under the orders of the supreme government of India, in the years 1831, 1832, and 1833. London, Vol. II. 516 p.
- Burnes, Vol. III, 1834** – *Burnes A.* (1834). Travels into Bokhara; being the account of a journey from India to Cabool, Tartary and Persia; also, Narrative of a voyage on the Indus, from the sea to Lahore, with presents from the king of Great Britain; performed under the orders of the supreme government of India, in the years 1831, 1832, and 1833. London, Vol. III. 378 p.
- Conolly, Vol. I, 1834** – *Conolly A.* (1834). Journey to the North of India through Russia, Persia and Afghanistan. L. Vol. I. 367 p.
- Conolly, Vol. II, 1834** – *Conolly A.* (1834). Journey to the North of India through Russia, Persia and Afghanistan. L. Vol. II. 364 p.
- Evans, 1828** – *Evans G.* (1828). On the designs of Russia. L. 265 p.
- Gadzhev, 2012** – *Gadzhev K.S.* (2012). «Bol'shaya igra» na Kavkaze. Vchera, segodnja, zavtra [The «Great Game» in the Caucasus. Yesterday, today, tomorrow]. M. 344 p. [in Russian]
- Glushchenko, 2010** – *Glushchenko E.A.* (2010). Rossiya v Srednej Azii. Zavoevaniya i preobrazovaniya [Russia in Central Asia. Conquest and transformation]. M. 608 p. [in Russian]
- Halfin, 1960** – *Halfin N.A.* (1960). Politika Rossii v Srednej Azii (1857 – 1868) [Russia's policy in Central Asia (1857 - 1868)]. M., 272 p. [in Russian]
- Halfin, 1966** – *Halfin N.A.* (1966). Zagadki istorii. Drama v nomerakh «Parizh» [Mysteries of History. Drama in the Rooms of «Paris»]. *Voprosy istorii*. № 10. pp. 216-220. [in Russian]
- Halfin, 1983** – *Halfin* (1983). Zapiski o Buharskom hanstve (Otchety P. I. Demezona i I. V. Vitkevicha) [Notes on the Bukhara Khanate (Reports of P.I. Desmaisons and I.V. Vitkevich)]. M. 149 p.
- Kaplan, 2016** – *Kaplan R.* (2016). Mest' geografii. Chto mogut rasskazat' geograficheskie karty o grjadushhikh konfliktakh i bitve protiv neizbezhnogo [Revenge of Geography. What can tell the geographical maps of the coming conflicts and the battle against the inevitable]. M. 384 p. [in Russian]
- Kissinger, 1997** – *Kissinger G.* (1997). Diplomatiya [Diplomacy]. M. 848 p. [in Russian]
- Moorcroft, Trebeck, 1841** – *Moorcroft W., Trebeck G.* (1841). Travels in the Himalayan provinces of Hindustan and the Panjab; in Ladakh and Kashmir; in Peshawar, Kabul, Kunduz, and Bokhara; by William Moorcroft and George Trebeck, from 1819-1825. London: John Murray, 1841. Vol. I. 459 p.
- Murav'ev, 1822** – *Murav'ev N.* (1822). Puteshestvie v Turkmeniju i Hivu v 1819 i 1820 godah [Travel to Turkmenistan and Khiva in 1819 and 1820]. M. 350 p. [in Russian]
- Nebol'sin, 1850** – *Nebol'sin G.P.* (1850). Statisticheskoe obozrenie o vneshnej torgovle Rossii [Statistical Review of Russia's Foreign Trade]. SPb.: Tipografiya departamenta vneshnej torgovli. CH. 1. 409 p. [in Russian]
- Nebol'sin, 1855** – *Nebol'sin G.P.* (1855). Statisticheskoe obozrenie o vneshnej torgovle Rossii [Statistical Review of Russia's Foreign Trade]. SPb.: Tipografiya departamenta vneshnej torgovli. CH. 2. 495 p. [in Russian]
- Save Me From My Friends!, 1878** – *Save Me From My Friends! The Punch*. 1878. 30 November.
- Sergeev, 2011** – *Sergeev E.Y.* (2011). «Bol'shaya igra» v rossijsko-britanskikh otnosheniyah vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka: novyj vzglyad [«Great Game» in Russian-British Relations of the Second Half of the XIX – early XX Century: A New Look]. *Rossiyskaya istoriya*. № 5. pp. 3-15. [in Russian]
- Shchevelev et al., 2018** – *Shchevelev S.S., Pashkovsky P.I., Kryzhko E.V.* (2018). Vostokoved M.F. Silinkin: zhizn' i trudy [Orientalist M. F. Silinkin: Life and Works]. *Dialog so vremenem*. № 62. pp. 312-328. [in Russian]
- Snesarev, 2002** – *Snesarev A.E.* (2002). Afganistan [Afghanistan]. M.: «Russkaya panorama». 272 p.
- Vamberi, 2003** – *Vamberi A.* (2003). Puteshestvie po Srednej Azii [Journey through Central Asia]. M. 193 p. [in Russian]

Этнокультурные аспекты российско-британского соперничества в Туркестане в XIX веке

Хатидже Энверовна Мамутова ^{a,*}, Анна Вадимовна Костромицкая ^a,
Евгений Владимирович Крыжко ^a, Петр Игоревич Пашковский ^a

^a Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены этнокультурные аспекты соперничества Британской и Российской империй в процессе «Большой игры» в Туркестане в XIX веке. Установлено, что через британских и российских путешественников происходил непосредственный контакт с восточными культурами, взаимодействие и диалог, причем общение наблюдалось с обеих сторон. Восточные территории служили колониями европейских стран и России. На основании анализа широкой источниковой базы и многочисленных исследований выявлено, что в круг задач путешественников входили не только разведка экономического потенциала, но и изучение этнополитических, культурных и географических особенностей региона. При этом путешественники подробно описывали местность и природу, но относительно скромно характеризовали местное население, что свидетельствует о преобладании военного значения миссий. Диапазон путешествий варьируется от политических, дипломатических, торгово-экономических, научно-исследовательских до «развлекательных», например: охота и туризм. Именно благодаря письмам, заметкам, отчетам и книгам российских и британских исследователей складывается образ местных народов и их культуры. Описания путешествий или рассказы о жизни в восточных странах запечатлели важные детали повседневной жизни как местных жителей, так и самих путешественников. Показано, что в рассматриваемый период проявляется поступательное изменение представлений о европейцах у народов Центральной Азии, чему способствовал разнородный состав путешественников, представителей разных европейских культур. В этом смысле образ западного путешественника оказывал позитивное влияние на трансформацию традиционного общества в развивающееся индустриальное и внедрение в него технологических и культурных достижений более развитой культуры.

Ключевые слова: Россия, Великобритания, «Большая игра», Центральная Азия, Туркестан, этнокультурные аспекты.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: khatidge@yandex.ru (Х. Э. Мамутова), anna-01.kostromitskaya@mail.ru (А.В. Костромицкая), jeyson1030@gmail.com (Е. В. Крыжко), petr.pash@yandex.ru (П. И. Пашковский)